

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ М. В. КРЮКОВА «ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПАХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ»*

С. А. Арутюнов

КЛАССИФИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В статье М. В. Крюкова высказывается мнение, с которым нельзя не согласиться, что в вопросе об исторических типах этноса «многое еще далеко от удовлетворительного решения». М. В. Крюкову особенно неудовлетворительной представляется ставшая с 1950 г. традиционной в советской этнографии троичная классификация основных типов этнических общностей по схеме «племя — народность — нация» (а также различные модификации этой схемы).

Вряд ли нужно тратить слова на разъяснение того факта (признаваемого и М. В. Крюковым), что любая научная схема не может полностью охватить все многообразие реальной действительности, изобилующей переходными состояниями, вариациями, нетипичными случаями и т. д., а также того, что одна относительно удачная схема не исключает возможности параллельного использования других схем, не менее пригодных для исследования тех же реалий при иной постановке познавательных задач. Мне всегда представлялось, что давняя и устойчивая популярность троичной схемы объясняется далеко не одними лишь случайными и конъюнктурными обстоятельствами и не одной лишь склонностью человеческого мышления (не вполне универсальной, но, во всяком случае, весьма типичной для европейской традиции) к предпочтительному использованию наряду с бинарными оппозициями триад всевозможного рода для классификации явлений самых разных сфер действительности. В самом деле, предпринятая нами совместно с Н. Н. Чебоксаровым попытка подойти к типологии этносов с точки зрения интенсивности спаивающих их синхронных и диахронных коммуникативных информационных связей позволила предположить с достаточной вероятностью, что плотность их возрастает в ходе прогрессивно-поступательно-го исторического развития не плавно, а ступенчато, с наличием по меньшей мере двух «порогов», или резких скачков в темпах прироста этой плотности. Первый скачок связан с созданием письменности, которое не жестко, но достаточно достоверно коррелируется с классовым расслоением и формированием государственной власти, второй скачок — с развитием массового начального образования и средств массовой коммуникации, прежде всего периодической печати и литературы для массового чтения, что в свою очередь коррелируется с развитием капиталистического способа производства. Оба эти скачка происходят не в одночасье, но все же в достаточно сжатые сроки. Так, для Японии развитие письменности датируется VI—VIII вв. н. э. (при зарождении государственности, видимо, в IV в. н. э.), а комплекс второго скачка совершенно достоверно относится к XVIII — первой половине XIX в. При

* Начало дискуссии см.: Сов. этнография, 1986, № 3; ссылки на статью М. В. Крюкова и отклики даются в тексте с указанием номера журнала и страницы.

этом до VI в., по-видимому, в Японии существовало раннеклассовое государство, с VI в. по середину XIX в. мы наблюдаем развитие и упадок феодального общества, в XVII—XIX вв. имеет место развитие буржуазных отношений, и в середине XIX в. — незавершенная буржуазная революция. Сходную этнокультурную динамику можно проследить и для многих других этносов (грузинского, армянского и т. д.). Таким образом, три разных типа состояния информационной плотности, по-видимому, есть объективная реальность, и они соответствуют трем основным эволюционным типам этнических общностей, как бы их ни называть.

Такое деление нам представляется более операциональным, чем предлагаемое В. И. Козловым членение типов этносов по формациям. По формациям делятся не этносы, а общества, которые могут быть и моноэтническими, но весьма часто бывают и полиэтническими; классическое рабовладельческое римское общество эпохи Империи включало в сферу своего функционирования и такие этносы, которые вряд ли могут быть отнесены к «этносам с рабовладельческой структурой», как большинство кельтских этносов; в средневековой феодальной Грузии горские субэтнические группы также феодальной структурой не характеризовались; в средневековых государствах Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, даже если отвлечься от всего своеобразия присущих им форм феодализма, в политическую систему были интегрированы племенные общности с совершенно иной, более близкой к первобытнообщинному, а иногда и к рабовладельческому строю структурой. Кроме того, далеко не всегда вопрос об отнесении того или иного общества к определенной формации может быть решен однозначно, в особенности в раннеклассовых обществах, где и рабовладельческие, и протофеодальные отношения существуют лишь в зачаточном виде. Наличие же письменности дает достаточно четкий формальный критерий. Действительно, сосуществование племенного строя с письменностью почти не встречается (не говоря, разумеется, о таких кочевых «племенах», как бедуинские или курдские, которые существуют в симбиозе с оседлой частью этноса и имеют мало общего с племенами периода первобытнообщинного строя и его разложения).

И наконец, если мы примем схему В. И. Козлова, то даже если мы можем четко ответить на вопрос, какова формационная структура и специфика тех или иных обществ — государств, конфедераций, локальных общин и т. д., все же мы ничего не узнаем о том, в чем заключается собственно этническая специфика основных создающих эти общества этносов.

Конечно, определить не только абсолютно, но даже и относительно плотность инфосвязей довольно сложно, так как это можно пытаться сделать лишь на основании косвенных показателей. Тем не менее показатели эти есть, в особенности для современных обществ, в которых статистико-социологическому исследованию подвергаются и частота поездок, и личная переписка, и популярность книг, газет, радио и телепередач на языке своей и другой национальности, и многие другие явления, выражающие в конечном счете разные виды коммуникаций, т. е. все те же инфосвязей. Поэтому можно построить классификационное двухмерное пространство на основе двух переменных — плотности синхронной и диахронной информации, на котором найдут свое место любые реальные этнические общности прошлого и настоящего, а скопления точек их локализации позволят выделить уже не три, а большее число типов. Одним из таких типов будет нация, которая (формально не по формационному признаку, а исходя только из двух указанных переменных) распадается на два подтипа — социалистическую и буржуазную нации. Дело в том, что если плотность синхронных инфосвязей в них обеих, по-видимому, более или менее одинакова (точнее, варьирует примерно в одних и тех же пределах), то интенсивность диахронных инфосвязей в социалистической нации существенно выше. К последним относится в данном случае пропаганда революционных традиций, постоянно культивируемая и в общественной жизни, и в художественных образах памяти об обстоятель-

ствах перехода к социализму и социалистического строительства, о героях этого периода, о событиях гражданских, национально-освободительных войн. Подобной интенсивной диахронной, уходящей на всю глубину существования данного строя в стране информации (т. е. на глубину нескольких десятилетий, в СССР — уже семи десятилетий) нет в буржуазных нациях, где, конечно, существует своя историческая память, но в средствах массовой коммуникации она отнесена далеко на задний план явно избыточным потоком информации сиюминутного, часто эфемерного характера.

Найдут свое место в подобном пространстве и народности разных подвидов, и племенные группы, и другие формы этносоциальных организмов (ЭСО). Следует только подчеркнуть, что речь идет не о заполнении ячеек матрицы, как полагает М. В. Крюков, а о заполнении участков двухмерного классификационного пространства. Матрица предполагает по одной оси ограниченное множество объектов, а по другой — ограниченное множество признаков, здесь же мы имеем только два признака, по координатам которых распределяется теоретически неограниченное множество объектов.

И я, и М. В. Крюков уже говорили, что наряду с имеющимися возможны и другие классификации, которые дополняют или заменяют указанные два признака рядом других, в том числе чисто формационных, тогда как в данной классификации хотя и имеется значительная корреляция с формационной шкалой, тем не менее последняя выступает в многообразно опосредованном виде, поскольку уровень развития производительных сил и производственных отношений именно многообразно влияет на уровень интенсификации информационных коммуникаций в обществе. Нам хочется лишь подчеркнуть здесь, что, и ограничиваясь двумя данными признаками, можно получить весьма разветвленную и операционально перспективную классификацию.

М. В. Крюков ошибочно приписывает мне и Н. Н. Чебоксарову вывод о том, что нация не есть этнос. Говоря, что определения этноса и нации лежат в разных планах, мы имели в виду различие между этникосом и ЭСО, что ясно из приводимой тут же ссылки на статью Ю. В. Бромлей «Этнос и этносоциальный организм». Но в то время понятие «этникос» еще не утвердилось в науке. Мне представляется, что этникос следует рассматривать именно как явление, основанное всецело на совокупности диахронных связей, так как этникос включает и индивидов, вообще лишенных синхронных связей с какими-либо группами своих соотечественников, и если можно говорить о типологии этникосов, то лишь по признаку выраженности и глубины этих диахронных связей. Но нас гораздо больше интересует здесь, разумеется, типология ЭСО.

Исчерпывающая типология различных ЭСО в принципе не осуществима: представленное здесь классификационное пространство может быть расчленено сетками бесконечного числа конфигураций в зависимости от поставленных задач. Но даже в рамках предлагаемой парадигмы его членения можно выделить немалое число типов этносоциальных организмов. Ю. В. Бромлей, который и ввел в науку это понятие, не считает возможным относить этноареальные или этнодисперсные группы к числу этносоциальных организмов. Но даже не вступая в дискуссию о том, что такое «социальный организм», а что им не является, можно говорить о типологии различных этносоциальных общностей, различных форм существования этноса, одну из групп которых будут составлять «этносоциальные организмы» в собственном смысле слова. Однако для ее выделения двух наших признаков уже, видимо, недостаточно, и здесь мы охватываем понятием ЭСО все формы существования этноса (кроме этникосов), т. е. все формы, у которых наличествует в их информационных связях не только диахронный, но и синхронный аспект.

На прилагаемой схеме ориентировочно намечено распределение различных типов ЭСО в зависимости от характерного для них баланса синхронных и диахронных инфосвязей. Они обозначены пунктирными круж-

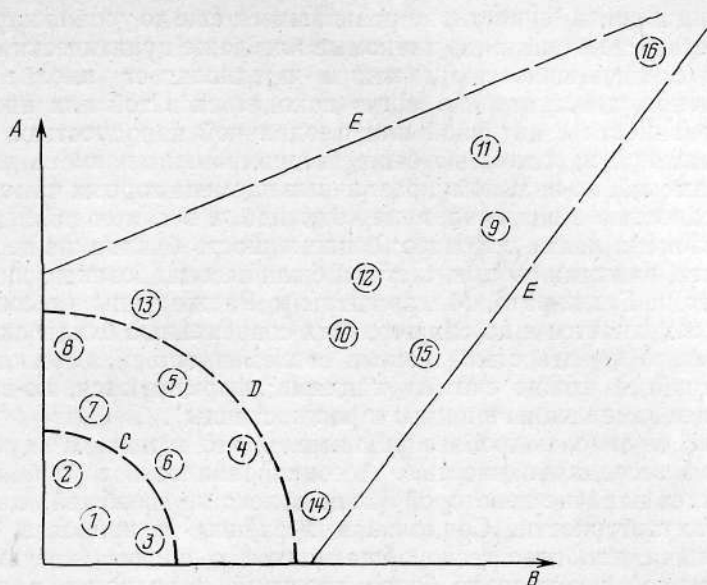

Схема классификационного пространства для ЭСО различных типов. А — ось нарастания интенсивности диахронных инфосвязей; В — ось нарастания интенсивности синхронных инфосвязей; С — рубеж появления письменности; D — рубеж перехода к уровню наций; Е — границы облака этнически значимых локусов. Типы ЭСО: 1 — племена; 2 — соплеменности или группы родственных племен; 3 — союзы племен; 4 — раннеклассовые и рабовладельческие народности; 5 — феодальные народности; 6 — ассоциированные с народностями племена; 7 — кастовые и кастоподобные субэтнические группы; 8 — суперэтнические (этнокультурные и этнолингвистические) общности; 9 — буржуазные нации; 10 — буржуазные народности; 11 — социалистические нации; 12 — социалистические народности; 13 — этнодисперсные группы; 14 — этнографические группы в составе современных наций и народностей; 15 — не вполне сформировавшиеся нации с гетерогенным этническим составом; 16 — этнические общности будущего.

ками, чтобы подчеркнуть, что это не точки, а размытые локусы, в районе которых группируются реальные примеры ЭСО того или иного типа.

В дописьменном сегменте племя (на схеме это локус № 1) характеризуется низкой плотностью инфосвязей, как синхронных (среди которых доминируют территориальные и брачно-родственные), так и диахронных (в основном сводящихся к генеалогическим и фольклорно-мифологическим). Соплеменность (№ 2) в целом еще слабее соединена синхронными связями, чем отдельное племя, но обладает большим совокупным объектом диахронных связей. Для союза племен (№ 3), напротив, характерно усиление синхронных связей за счет связей военно-потестарного характера, но глубина и интенсивность исторической традиции у союза племен, этнически, как правило, не вполне гомогенного, обычно очень невелика. Все это соответствует общностям первого этапа, по М. В. Крюкову.

На письменном докапиталистическом уровне «древние этносы» второго этапа, по М. В. Крюкову, соответствуют раннеклассовым и античным народностям (№ 4), с интенсивными синхронными (торговыми и политическими) связями, но, как правило, еще с незначительной глубиной общеэтнической исторической традиции, которая пока мало чем отличается от преимущественно мифологической традиции соплеменностей. Наступающая в эпоху феодализма тенденция к нарастанию раздробленности и экономической изолированности позволяет характеризовать феодальные народности (№ 5) как общности с пониженной интенсивностью синхронных связей, хотя глубина и интенсивность диахронных связей по сравнению с предшествующим этапом возрастает в силу многих факторов, в частности вновь возросшей роли генеалогического фактора, появления более глубокой, чем в античности, исторической традиции и, что очень существенно, мощной диахронной традиции распространяющихся именно в феодальных обществах мировых религий.

Племена и соплеменности, не развившиеся еще до уровня народностей (в частности, еще очень мало знакомые или даже практически совсем не знакомые с письменностью), как и предполагает вполне резонно М. В. Крюков, действительно могут находиться в той или иной форме ассоциированности с античной или феодальной народностью. С кхмерской феодальной народностью были ассоциированы племена пор и кун, с древнечамской, по-видимому, различные племена горных чамов, с японской народностью айньские племена Хоккайдо, а в самом раннем средневековье племена хаято и кумасо; соплеменность бхиллов, не теряя своей целостности, разными своими частями была ассоциирована с индусскими народностями Гуджарата, Махараштры и Раджпутаны (ассоциированность эта сохраняется и до сих пор, хотя современные бхилы скорее должны считаться народностью, нежели соплеменностью, а гуджаратцев и махараштрийцев можно считать нациями; формируются, по-видимому, хотя и более замедленно, в нацию и раджастанцы).

Следует, видимо, подробнее разъяснить, что в данном случае понимается под ассоциированностью. Ассоциированность в любом случае предполагает наличие некоторой (хотя далеко не всеобщей) двуязычности и двухкультурности. Социальная верхушка и наиболее активная часть племени, наиболее тесно общающаяся с представителями более многочисленной и социально более развитой народности, в известной мере видит в ней референтную группу и моделирует по ней определенную часть своего поведения (в некоторых случаях вплоть до полного овладения языком, письменностью и этикетными навыками этой группы), но сохраняет вместе с остальной частью племени основные, цементирующие это племя традиционные формы культуры и традиционные ценности. В сфере религии и других аспектов духовной культуры могут проявляться синкретизм, параллелизм культов, заимствования и стимулированная трансформация. Культура племени приобретает такие черты, которые спонтанно в ней развиться не могли бы и которые исчезли бы, если бы произошел разрыв ассоциированности. Для айнов, в частности, неотъемлемой частью механизмов обрядности и престижного накопления уже в средневековье стали японские мечи и японская парадная лаковая посуда. В других случаях ассоциированность племен может иметь и более глубокие проявления. На схеме такие племена представлены под № 6. В ряде случаев они имеют тенденции либо к полной ассимиляции (что и произошло с хаято, кумасо и значительной частью айнов в Японии), либо к превращению иногда в народности, но чаще в особые касты, общности субэтнического уровня (№ 7). Для каст синхронные (в частности, территориальные) связи играют очень небольшую роль, часто сведены почти всецело только к брачным связям, но несколько возрастает значение диахронных связей — совокупности кастовых преданий и традиций.

На этом историческом этапе формируются и начинают в ряде случаев все более отчетливо осознаваться и суперэтнические общности — романцы, славяне, индоарийцы, дравиды и др. (№ 8). Интенсивность синхронных связей для таких общностей невелика, связи их почти всецело лежат в диахронном плане и выражаются в наличии общих традиций, общих ранних этапов истории, общности части культурного наследия.

Локусы 7 и 8 имеют очень близкие, хотя и не совпадающие координаты (7 всегда будет правее, чем 8). Лежащие за ними реалии — субэтнические и суперэтнические общности, т. е. с одной стороны касты и кастоподобные группы, с другой — этнолингвистические и этнокультурные общности, разумеется, различаются очень резко по множеству параметров, расположенных в иной плоскости, чем плоскость нашей схемы. Однако примеры быстрого частичного перехода суперэтнических общностей в субэтнические нередки: кастоподобные сегрегированные эндогамные меньшинства, например, сформировались в странах Нового Света из потомков негров и индийцев — выходцев из разных, но более или менее родственных по культуре и происхождению племен и народностей.

Локусы 5, 7 и в значительной мере 6, по М. В. Крюкову, соответствуют «средневековым этносам» третьего этапа. В нашей схеме они объединены с «древними этносами» во втором сегменте, но формы «древних этносов» тяготеют к его правой части, а формы «средневековых этносов» — к его левой части.

Перейдем к третьему этапу, к уровню «современных этносов», (который, по М. В. Крюкову, является четвертым). Нации — характерный тип ЭСО этого этапа — характеризуются резко возросшей интенсивностью как синхронных, так и диахронных инфосвязей; при этом по интенсивности последних социалистические нации заметно более продвинуты, чем буржуазные (соответственно локусы 11 и 9). У ассоциированных социалистических и буржуазных народностей (локусы 12 и 10) эти параметры значительно ниже, хотя и несколько выше, чем у народностей предыдущего этапа («первичных народностей»).

У ассоциированных народностей (в отличие от ассоциированных племен) уровень плотности инфосвязей и общее качество жизни могут быть (а в социалистическом обществе, как правило, действительно бывают) не ниже, чем у нации, с которой они ассоциированы. Но лишь часть этих инфосвязей (отраженная на схеме) лежит в рамках самих этих народностей, их специфичной культуры, отправляется на их языке, относится к их традиционной литературе, к радио и телевидению, организуемому этими народностями и для них, с учетом их специфики и т. д. Другая, и нередко даже большая часть инфосвязей идет на языке ассоциирующей нации, через ее национальную систему образования, ее литературу и прессу, ее общее для всей нации и не ориентированное специально на данную народность радиовещание и телевидение. В СССР в Чукотском автономном округе есть чукотская газета, есть радиовещание на чукотском и эскимосском языках, и чукчи и эскимосы пользуются этой информацией, но в гораздо большем объеме они потребляют информацию, доходящую до них через русскоязычную центральную и областную прессу, центральное и областное радиовещание и т. д. То же относится и к художественной литературе и другим областям культурной жизни.

Кроме «вторичных народностей» современными нациями примерно теми же механизмами ассоциируются этноареальные и этнодисперсные группы, ядерные части которых либо лежат в других ЭСО (как у венгров Румынии, украинцев Канады, японцев Перу, китайцев Малайзии, тамилы Шри Ланки и т. д.), либо в некоторых случаях вообще отсутствуют (как у цыган). Этнодисперсные группы (13), обладая очень малой интенсивностью синхронных связей, по уровню диахронных связей близки к «вторичным народностям». Напротив, для современных субэтнических групп (т. е. тех групп, субэтническая специфичность которых определяется локально-средовыми, а не кастово-традиционными факторами) характерна высокая интенсивность синхронных связей при небольшой интенсивности диахронных связей; эти группы сравнительно мало акцентируют свою специфичность в самосознании, а при разрыве компактности расселения легко ассимилируются (локус 14).

Легко заметить, что этнотипологически значимые локусы не занимают равномерно всего классификационного пространства схемы, а образуют некоторое диагонально вытянутое облако, сужающееся по мере нарастания значений А и В. Это позволяет нам попытаться дать типологическую характеристику этнических общностей обозримого будущего. По-видимому, это будут весьма однородные, сближенные по всем параметрам, высоко консолидированные общности с более высокой, чем ныне, интенсивностью как диахронных, так и синхронных инфосвязей. Современные ассоциированные общности либо разовьются до общностей, высшего уровня¹, либо сольются с ними²; ассимилируются и перестанут

¹ Как, например, развилась до уровня нации исландская, а ныне, видимо, и гренландская народность, ранее ассоциированная с датской нацией.

² К чему близки якуты, в прошлом ассоциированная с японской нацией народность.

существовать как особые целостности такие виды общностей, как этноареальные, этнодисперсные, субэтнические и этнографические группы.

Я согласен с М. В. Крюковым, что в повседневной и публицистической речи незачем употреблять типологически ранжированные термины, здесь предпочтительнее нейтральные выражения, такие, как «народ» или «национальность». Однако это не означает, что этнографы-специалисты должны отказаться от классификации современных этносов. Совершенно очевидно, что, с одной стороны, русские, а с другой — чукчи или азиатские эскимосы, соответственно на четыре и пять порядков меньшие по численности, или примерно равночисленные, но совершенно по-разному расселенные евреи и киргизы, или ингуши, цыгане и уйгуры в СССР представляют собой различные типологические варианты современных советских этносов. Закономерности развития этих этносов отнюдь не безразличны советскому обществу в целом, как и закономерности этнического развития народов всего мира, и надо полагать, что усилия ученых, направленные на создание все более совершенных и операционально перспективных этнологических типологий, будут продолжаться.

В. И. Козлов

ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Дискуссии по коренным проблемам этнографической науки, без которых любая наука вряд ли может нормально развиваться, публикуются у нас регулярно. К сожалению, иногда в обсуждение вовлекаются второстепенные вопросы, да еще такие, по которым и спорить-то не о чем. В только что прошедшей, например, дискуссии по полевым исследованиям один из ее зачинателей предложил дискутировать о том, нужно ли этнографам изучать оставшиеся «белые пятна» на этнографической карте; географы вероятно, просто обиделись бы, поставь перед ними такой вопрос. В дискуссии, начатой статьей М. В. Крюкова, поднята действительно важная проблема, вернее — комплекс связанных между собой проблем: от сущности этноса (этнической общности) и его важнейших параметров до возможности учета исторических изменений этих параметров для стадияльной типологии этносов. И дискутировать здесь есть о чем, ибо сталкиваются сильно различающиеся мнения. Ведь что получается: с одной стороны, мы имеем вполне разработанную, ставшую уже в какой-то степени «традиционной», четкую концепцию трех основных исторических типов этнических общностей, именуемых «племенем», «народностью» и «нацией». А с другой — в этой концепции есть какие-то элементы «псевдонауки», когда, как отметил акад. А. Б. Мигдал, «смутная идея объявляется достоверной истиной»¹ и когда только способность науки к самоочищению, а в обществоведении и опора на марксистско-ленинскую методологию позволяют восстановить истину.

М. В. Крюков начал с истории вопроса (что в данном случае особенно уместно) и отметил, что трехступенчатая типология этносов впервые получила хождение в начале 1950-х годов. Это правильно, но с той оговоркой, что тогда речь шла о «формах исторических общностей» и число таких форм нередко увеличивали до четырех: род, племя, народность,

¹ Мигдал А. Отличима ли истина от лжи? — Наука и жизнь, 1981, № 1.